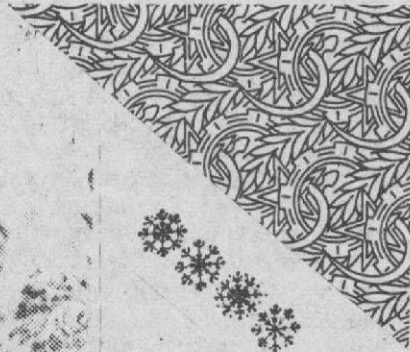

СУРГУТСКАЯ ТРИБУНА

Выходит с 23 октября 1993 года * № 1-2 (7572-7573) * Воскресенье, 3 января 1993 года * Цена 1 экз. в подписку 2 руб., в розницу 5 рублей.

**Вот пришел
1993-й!
е м - т о
радует?**

ТРИНАДЦАТЬ — ЧИСЛО СЧАСТЛИВОЕ

Детишек из детского дома накануне праздника вернулись из Петербурга.

Впервые побывали в городе на Неве. Экскурсии по музеям, мечательным местам да еще отличная погода сделали поездку интересной и запоминающейся.

Билеты оплатили шефы — трест Сургутнефтедорстройремонт. Из них стоила семнадцать с половиной тысяч рублей.

Л.БЕКОВА.

НЕСЛА УРОЧКА ПТИЧКО...

В очереди стояли сургутяне перед Новым годом за яйцами: они шли нарасхват по 150 рублей за десяток.

В чем не порадовало и руководство сургутской птицефабрики: здесь сейчас лишь пополнение поголовья, и забирают едва 12 тысяч яиц.

На отрада: лучше обстоит дело с корнями, их стабильно поставляют из Тюмени, а сами работники фабрики «крутят», привозя их из различных регионов.

Только с апреля 1993 года можно будет сказать, что вопрос снабжения и выведения яиц не стоит.

Л.ВЛАДИМИРОВА.

СТЕНЫ, КОТОРЫЕ ГРЕЮТ

Провести Новый год в больничных стенах — удовольствие не из приятных. И все же так случается в жизни. А для некоторых эти стены из-за отсутствия другого крова стали родными. Но и они не оказались забытыми.

Фонд «Забота», который организован при объединении нефтяников, навестил в эти дни пациентов нескольких отделений медсанчасти объединения. Вместе с его сотрудниками сюда прибыли Дед Мороз и сопровождающая его свита. Сладкие подарки вручались всей детворе, а сиротам — еще и приготовили кое-что из одежды, игрушки.

Кстати, нашлись и среди сургутян такие, кто добровольно посещает детское психоневрологическое отделение, где «выхаживают» больных с различными отклонениями. Приходят сюда обычно не с пустыми руками, разделяя с медперсоналом бытовые заботы.

З.СЕРГЕЕВА.

АППЕТИТ НА ВАУЧЕРЫ

Для торговых рядов, расположившихся возле крупных магазинов города, уже привычными стали люди с приколотыми к одежде зазывающими записками: «Куплю ваучер!» Дают и четыре, и пять тысяч. Рядом же находятся единицы желающих избавиться от приватизационного чека. Здесь разброс в ценах побольше. Аппетиты у продавцов различные. Просят и десять, и даже тридцать пять «штук».

Малый Совет позаботился о создании условий для функционирования рынка ценных бумаг. Параллельно со списком приватизируемых предприятий муниципальной собственности, куда попали пивзавод, мясокомбинат, молокозавод, ПАТП № 3 и др., принято решение о предоставлении покупателям этих объектов возможности внести до 45 процентов объявленной стоимости ваучерами. По решению горсовета этот предел может быть увеличен в два раза.

Так что становится понятным желание приобрести ваучер за бесценок.

КОМУ СДАТЬ ВАХТУ?

Для нормальной работы Тюменской таможни, которая создается на границах с суверенными государствами, необходимо срочное уменьшение числа вахтовиков, прибывающих в Тюмень из бывших союзных республик. Мысль, прозвучавшая в прессе, находит своих сторонников. Но зачастую по совсем иным причинам.

На состоявшемся в объединении Сургутнефтегаз совещании шла речь о сокращении вахтовиков, летающих к нам с Украины. Отсутствие регулярных авиарейсов из Киева и Львова, выход республики из рублевой зоны, высокая стоимость перевозки вахтовика — все это заставляет взять курс на постепенную замену украинских специалистов вахтовиками из ближайших областей России — Омска, Томска, Новосибирска...

Согласно опубликованным в газете объединения данным, свыше полутора тысяч специалистов, работающих на нефтепромыслах, заменить нечем. Поэтому на начальном этапе планируется киевскую и львовскую вахты доставлять через аэропорты Воронежа и Ростова.

Ю.МАНДРИКА.

Еще совсем недавно Пономарев возглавлял этот отдел. Теперь передал его В.И.Прокопчуку. Бывший и нынешний руководители — профессионалы, каких в органах правопорядка осталось совсем немного.

Корр.: Давайте сразу определимся. Что такое преступление в сфере экономики? Чем оно отличается от любого другого уголовно наказуемого действия?

Пономарев: Разница очень большая. Допустим, по линии уголовного розыска зарегистрирована кража. Поступило заявление от потерпевшего, и здесь можно говорить о подозреваемых, можно даже назвать их, то есть факт остается фактом. У нас же совсем другая ситуация. К нам редко обращаются, но если мы считаем, что где-то нарушен закон, похищены деньги, какие-то материальные ценности, то начинаем раскручивать дело.

Корр.: Как вы нащупываете своих "героев"? У вас есть агенты, которые подсказывают, на кого должны обратить свой взор оперуполномоченные?

Пономарев: Специальной агентурой мы не располагаем. Иногда поступает письмо, иногда приходит или звонит какой-нибудь доброжелатель и говорит, что там-то нечисты на руку. Анонимки, согласно приказу, мы обычно не рассматриваем.

Корр.: Я захватила с собой письмо, автор которого делится своими подозрениями об организованной преступности в одном из магазинов. Я передаю его вам. Это письмо может послужить сигналом для вашего вмешательства?

Пономарев: Мы займемся проверкой фактов, изложенных в этом письме. А вообще сейчас в торговле можно почерпнуть мало интересного. Есть Указ о свободной торговле, в принципе все разрешено. Основное здесь — платить исправно налоги. Привлечь человека, торгующего за прилавком или на углу, мы можем за обсчет, обман. В прошлом году в суд передано 75 уголовных дел за подобные нарушения, наказано более 200 человек. Но ведь этим дело не исправишь. Милиция должна в первую очередь заниматься профилактикой правонарушений.

Корр.: Мы как-то заикнулись на торговле. А это всего лишь одно из звеньев экономики. Хотелось бы все же нагляднее представить, в чем выражается борьба с преступлениями, которую ведут ваши сотрудники.

Пономарев: Мы боремся, скорее всего, с проблемами. Законодательная база отсутствует, указы противоречат друг другу. Чем нам руководствоваться? Вот сейчас возбуждено два уголовных дела о хищениях в особо крупных размерах. Результат по ним непредсказуем, потому что нет практики, мы ее только нарабатываем. Скажем, в тех же коммерческих структурах выявляем какие-то хищения. Вместе со следствием, прокуратурой приходим к мнению, что так оно и есть. Передаем материалы дела следователям, работаем с ними до суда. А последний перечеркивает наш труд, дескать, в этом случае нет состава преступления.

В прошлом году в окружной суд направили три уголовных дела о хищении денежных средств в особо крупных размерах — два вернулись назад. Отсутствуют четкие критерии: что считать хищением, а что — нет. И порой выходит, что усилия потрачены впустую. А вы представляете себе, что значит возбудить такое дело? Тут надо провести кропотливую документальную ревизию, встречные проверки, потратить на это много времени, привлечь специалистов. Мы ведь юристы, самостоятельно не можем провести ревизию, а следователь не примет от нас дела, если не будет соответствующего акта. Приходится искать специалистов на предприятиях, а их там остались единицы. Работа порой занимает два-три месяца, а итог — нулевой. Морального удовлетворения — никакого, а подозреваемые еще и злорадствуют, злопыхательствуют. Другие люди недоумевают: чем вы там занимаетесь, такие-рассяки. А кому у нас заниматься? Профессионалов-то почти не осталось.

Корр.: Однако, как я заметила, ни один кабинет у вас не пустует.

Пономарев: Тогда вы не могли не обратить внимания на то, что это сплошь молодые сотрудники. А чтобы подготовить более или менее грамотного специалиста, требуется лет пять. И даже тогда его должен опекать стажист. Та чехарда, которая происходит с законодательством, то отношение, которое возникло к нашей службе, основательно подкосили нас — профессионалы ушли. За последние два года отдел покинули двадцать с лишним сотрудни-

ков. Это огромная потеря. Все приходится начинать сызнова.

Форменную одежду А.П.Пономарев надевает крайне редко. В "гражданской" он чувствует себя гораздо свободнее. По долгу службы где только ни приходится ему бывать. Появись он там в шини — с двумя большими звездочками на погонах — начнутся шепотки, на любопытные взгляды наткнешься, менее откровенно станут вести себя люди. А так он остается вне "подозрений": ну, пришел человек в организацию, потолковал кое с кем и удалился. У некоторых, правда, поджилки после визита

Пономарева долго трясутся: иметь дело с милицией, если "хвост" запачкан, не слишком весело.

Подчиненные Пономарева тоже в форме облачаются в исключительных случаях. Работа у них такая — оставаясь незамеченными, выводить на чистую воду мошенников разного толка. Расплодилось этой нечисти — хоть пруд пруди. А воевать с ней приходится небольшой группой, объединенной в отдел по борьбе с преступлениями в сфере экономики.

Корр.: Как вы считаете, будет ли дальнейшая преступность экономики? Можете ли ее обуздать?

Пономарев: Рано еще думать о том, куда пойдет преступность. Остались такие масштабы, что даже на уровне Верховного суда, правительства, президента.

Корр.: Вы обмолвились, что в органах, которые вымогают взятки, есть органы, которые не берут. Случалось ли так, что вы предлагали

сумму, чтобы вы не возбудили, прикрыли, дайте дело? Не появлялось ли желание в деньгах — заработки ведь у вас невелики?

Пономарев: Я бы не сказал, что мы зарабатываем сейчас меньше всех. Но и тогда, когда получали много, даже мысли не возникало взять из шенника деньги. Наверное, так воспитана привычка подмачивать не хочу.

Корр.: Но другие не берут, не брезгуют, ругая тем, что деньги не пахнут...

Пономарев: Не отрицаю, берут. Я с репрессивными органами. Недавно так и произошло. Не знаю, правда, как расценили следствие и народный суд. И сотрудники попадались, их задерживали, лишали свободы. Меня эти люди вызывают чувство брезгливости.

Корр.: Когда было легче работать оперуполномоченным: раньше или сейчас?

Пономарев: Раньше была какая-то острота, мы знали, чем должны заниматься. Нам говорят: на углу торгуют, иди и наведи. Ну, а что такое порядок? Чтобы на торговали? Но кто в этом виноват? Я считал, что милиция к решению этих вопросов пришла меньше всего. Конечно, можно посадить за решетку и пригрозить другому, мол, и завтра попадешь. Без наказания, естественно, обойтись. Но пересадить всех, разогнать — нелепость. Где предел? Мы привлекаем к ответственности девушек-продавцов, которых называют бизнесменами, а те остаются безнаказанными. Это надо?

Корр.: Все это риторические вопросы. Я думаю, что они мучают вас, и ответа на них пока существует правовой беспредел.

Пономарев: Есть Указ Ельцина, разрешающий торговать спиртными напитками, и есть ра-

жение главы администрации города, запрещающее торговлю. Кому подчиняться? Президент — ко, мэр — рядом. Приходится придерживаться здешних порядков. А правильно ли?

Корр.: Получается, что, выполняя одно, делаешь другое...

Пономарев: В том-то и дело. Мы стараемся нечестно, выполнять распоряжения местных органов власти, потому что живем в Сургуте.

В моем понимании порядок должен выглядеть так. Нужно определить места для торговли, оградить их, закрепить за каждым конкретным магазином, допустим, из совета самоуправления микрорайона, директора рядом стоящего магазина, следили бы за санитарным состоянием торговых точек, собирали налоги. А милиция, контактируя с этими людьми, с работниками СЭС, налоговой инспекцией, устраивала бы проверки. В комплексе это и есть система, порядок. А сегодня мы поехали куда-то поехали, разогнали продавцов. Они же переместились на другой угол или, вы вернулись назад. Бывает, что на одного человека составляют 5-10 актов. А толк есть от этого?

Прокопчук: Раньше была плохая или хорошая идеология. Мы верили, что, если расхитители спекулянтов поймать, будем жить лучше. Сейчас ловить нередко некому. Грамотных экономистов на корню покупают. Едут купцы в вузы, заманивают большими деньгами толковых выпускников. Что негодит им — достается остальным.

Корр.: И эти молодые специалисты отныне будут помогать грабить честный народ?

Прокопчук: Не обязательно грабить, можно и жить и обходить законы.

Корр.: По всему чувствуется, что работа не приносит вам удовлетворения, что вы боретесь с враными мельницами. А они знают себе крутят. Что же удерживает вас? Другие ведь развелись на 180 градусов.

Пономарев: За державу обидно. Честное слово. Это не высокопарные слова. Я много раз задумывался об этом. Бросить все и уйти — завтра будет стыдно от мысли: могли и должны были сделать что-то, а мы спасовали в ответственный момент.

Беседовала З.СЕНЬКИН

В ЭТОЙ ВОЙНЕ УДАЧИ ТОЛЬКО ВРЕМЕННЫЕ

ков. Это огромная потеря. Все приходится начинать сызнова.

Сейчас в большом количестве создаются совместные предприятия, акционерные общества, прочие рыночные структуры. Появляются какие-то новые положения о них. С какого боку к ним подходить? Будет являться нарушением какое-то действие их руководителей или нет? Мы частенько и сами плаваем в этих вопросах. Один закон что-то разрешает, другой это же самое запрещает, третий вообще отменяет. Как действовать в этой неразберихе? Вот на таком перепутье мы сейчас находимся.

Корр.: Ваши "подопечные" не воры-домохозяйки, а люди неглупые, которые знают лазейки, а иногда и имеют покровителей. Таких голыми руками не возьмешь: выскользнут, вывернутся, обведут вокруг пальца...

Пономарев: Еще два-три года назад, когда бизнес в стране только зарождался, некоторые крутые ребята в глаза нам говорили, мол, ваша служба не представляет для нас опасности, потому что делать деньги не запрещено. Этим, мне кажется, сказано все. Я хочу, чтобы меня правильно поняли: мы не сидим и не разводим руками после таких речей, работаем с группами, связанными с мафиозными структурами. Но результатами своего труда довольствоваться еще рано.

Корр.: Значит, вы признаете, что организованная преступность в Сургуте есть?

Пономарев: Конечно. Скорее всего, она существовала всегда. Другое дело, как с ней бороться? Нужны какие-то наработки, и мы их попытаемся нащупать.

Прокопчук: В новом кодексе нет даже понятия, что такое организованная преступность. А раз так, получается, что ее как бы нет.

Пономарев: Все знают, что многое сейчас построено на взятках. Предприниматели, не скрывая, го-

ворят, что без нее ничего не сделаешь. Но как задокументировать этот акт, как разоблачить взяточника? Сейчас появилось множество контролирующих структур. Для чего? Какая польза от них? Я считаю, что там-то и процветает вымогательство.

Корр.: Ради чего вы тогда копыта здесь ломаете, если победить зло невозможно?

Пономарев: Этого я бы не сказал. В области наш отдел считается первым по ряду показателей. Многие сделали, работая по крупным преступлениям. Выявили такое, которое, быть может, вошло в первую десятку по России. Связано оно с хищением бензина.

Прокопчук: Только в результате раскрытия этого преступления в казну возвращено полтора миллиона рублей. Не велика вроде бы сегодня эта цифра, но весной, когда это было совершено, такие деньги еще кое-что значили. А главное — мы пресекли дальнейшую утечку топлива, что вылилось бы в сотни миллионов рублей.

Пономарев: Кстати, это дело до сих пор находится в суде, и мы боимся предвосхитить события: чем оно закончится? Много раз бывало: даешь информацию в вашей газете, а гласность оборачивается не в нашу пользу.

Корр.: В вашем отделе произошла реорганизация: то ли он разделен, то ли расширился. Что это повлечет за собой?

Пономарев: В последнее время в той же прессе ставится вопрос о том, что Россию, ее богатства — сырье, нефтепродукты, цветные металлы — растаскивают. МВД, наше руководство в области приняло решение создать в нашей службе еще одно структурное подразделение, которое бы занималось профилактикой правонарушений, связанных с незаконным вывозом, реализацией и хищением нефти, газа, горюче-смазочных материалов — в общем, стратегического сырья. Отдел создан в Тюмени, я являюсь заместителем его начальника. В моем подчинении находится группа, которая курирует нефтегазовый комплекс региона, включающий не только Сургут, но и близлежащие города. Работа только разворачивается.